

- ⁷⁷ Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету. С. 609–610.
- ⁷⁸ Извлечение из всеподданнейшего отчета г. министра народного просвещения за 1873 г. // ЖМНП. 1875. № 7. С. 5.
- ⁷⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 5. СПб., 1877. Стб. 341; *Белявский Е.В.* Педагогические воспоминания. 1861–1902. М., 1905. С. 58.
- ⁸⁰ *Танков А.А.* Министр народного просвещения Д.А. Толстой и церковные заповеди (Недавняя старина) // Исторический вестник. 1910. № 12. С. 879–880, 882.
- ⁸¹ Объяснительная записка дополнение к правилам для учеников гимназии и прогимназий и к правилам о взъясках // ЖМНП. 1874. № 6. Министерские распоряжения. С. 200, 201.
- ⁸² *Савва (Тихомиров), еп.* Указ. соч. Т. 4. С. 637–638.
- ⁸³ *Сумцов Н.Ф.* Из гимназических воспоминаний // Русская школа. 1905. № 1. С. 23.
- ⁸⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 5. Стб. 347, 354.
- ⁸⁵ *Флоровский Г.В., прот.* Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 342.
- ⁸⁶ *Савва (Тихомиров), еп.* Указ. соч. Т. 6. Сергиев Посад, 1906. С. 285. См. также *Сухова Н.Ю.* Указ. соч. С. 164.
- ⁸⁷ *Вессель Н.Х.* Наша средняя общеобразовательная школа. СПб., 1903. С. 17.
- ⁸⁸ *Дальман С.В.* Развитие системы управления народным образованием в России во второй половине XIX в. СПб., 2007. С. 34–35.
- ⁸⁹ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1869 год. СПб., 1871. С. 106.
- ⁹⁰ *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета Министров (1802–1902 гг.). Т. 3. Ч. 2. СПб., 1902. С. 193–194.
- ⁹¹ Речи и статьи графа Д.А. Толстого. С. 182–183.
- ⁹² Письма митрополита Киевского Арсения к архиепископу Костромскому Платону // Русский архив. 1892. № 2. С. 228; *Благовидов Ф.В.* Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II. Казань, 1891. С. 148.
- ⁹³ Речи и статьи графа Д.А. Толстого. С. 184.
- ⁹⁴ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1874 г. СПб., 1876. С. 75.
- ⁹⁵ *Никанор (Бровкович), архиеп.* Указ. соч. С. 195.
- ⁹⁶ *Беляев А.А.* Указ. соч. Вып. 2. С. 187, 292.
- ⁹⁷ *Савва (Тихомиров), еп.* Указ. соч. Т. 5. С. 847.
- ⁹⁸ Переписка профессора Московской духовной академии Петра Симоновича Казанского с Александрой Николаевной Бахметевой // У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 552.

© 2010 г. А. Е. ИВАНОВ *

«ПОЛОВОЙ ВОПРОС», БРАК, СЕМЬЯ В БЫТОВОМ СОЗНАНИИ И ПОСТУПКАХ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ (1880-е гг. – начало XX в.)

В 1908 г. один из первых в России профессиональных врачей-сексологов приват-доцент Московского университета М.А. Членов в «Историческом очерке» к материалам осуществленной им же «Половой переписи» московского студенчества писал: «Половой вопрос во всех его многообразных разветвлениях в настоящее время несомненно представляет один из самых животрепещущих вопросов, интересующих человечество»¹. В развитие этого тезиса современный американский исследователь профессор Л. Энгельштейн утверждает, что «половой вопрос» в постреволюционной России обрел точно такой же риторический характер, какой приобрели ранее «женский вопрос» и «социальный вопрос». Педагогическая общественность и врачи-гигиенисты,

* **Иванов Анатолий Евгеньевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

пишет она, «стремились выработать у мужской культурной элиты страны способность к самоконтролю, тесно связанную с гражданской ответственностью... Проституция стала не только проблемой опасности заражения, разврата, но и проблемой облагораживания мужских потребностей»².

Едва ли не главным «героем» «полового вопроса» являлось студенчество – молодежь, находившаяся на пике своего репродуктивного возраста, т.е. готовая к зрелым половым отношениям, ко вступлению в брак, отцовству и материнству. Поэтому «половое поведение» студентов в пору возмужания (19–25 лет), духовного формирования и профессионального становления представляется весьма примечательным фрагментом социокультурного портретирования этого отряда молодой российской интеллигенции.

В жизни среднестатистического неженатого студента, обычно пребывавшего в неблагоприятной материально-бытовой обстановке, усугубленной академическим и общегражданским бесправием, «половой вопрос» был чреват душевными депрессиями, невротическими срывами, неизбытым предощущением угрозы венерических заболеваний. Такое душевное перенапряжение приводило иногда даже к суицидальному исходу. В.В. Вересаев засвидетельствовал в своих мемуарах, сколь изнуряющей для его физического и душевного здоровья была «безобразная половая жизнь с многонедельным воздержанием, бунтующими в крови сладострастными чертиками и с страстно желаемыми объятьями проститутки, после которых было омерзение до тошноты»³. Беспорядочным половым связям студентов способствовала легкая их доступность. В капиталистическом городе сформировалась развитая, для студентов травматично опасная, словно «минное поле», «инфраструктура» сексуальных услуг – проституция в формах официально действовавших «предприятий» (домов терпимости) и неконтролируемого властью вольного, «безбилетного» промысла, многотиражные низкопробные «литературные» и изобразительные порнографические издания, а также псевдо-научно-популярныеopusy на тему половой жизни⁴. Свой «вклад» в сексуальное воспитание студенчества вносила и «высокая литература» конца XIX – начала XX в., для которой интимная жизнь героев становится обычным сюжетом художественного письма, порой остродраматического и даже трагического, как, например, в «Драме на охоте» А.П. Чехова и «Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстого.

По образному замечанию психолога и социолога студенчества, доктора Е.П. Радиной, «громовым ударом в буржуазном, фарисейски убаюканном обществе»⁵, прозвучали рассказы Л.Н. Андреева «Бездна» и «В тумане», в которых аморализм полового поведения их героев-студентов оправдывался несовершенством биологической природы человека. В начале XX в. на авансцене литературной жизни России появилось новое, «эротическое течение». Его яркими «звездами» стали Н.С. Арцыбашев, прогремевший «полускандалным» романом «Санин» (1907 г.) и А.П. Каменский. «Культивируя свои ощущения в половой области, писатели этого лагеря обостряют половую чувствительность и в этой обостренности единичных переживаний видят смысл жизни», – резюмировал Радин⁶. Этот род художественной литературы снискал себе поклонников и среди молодой интеллигенции. В кругу респондентов «анкеты» 1912 г., посвященной «душевному настроению» петербургского студенчества (2 118 человек) таковыми себя позиционировали 11% курсисток (анкетировались 289 человек) и 27% универсантов (анкетировались 873 человека)⁷. Один из них сделал следующую запись в переписном листе: «Особенно я оживился и стал жизнерадостным, прочтя “Санина” Арцыбашева. Сделался в теории санинцем. На практике, впрочем, не думая осуществить свои идеалы. Скоро разочаровался в санинстве».

Интенсификация проблемы пола, присущая душевной настроенности студенчества постреволюционной эпохи, вызывалась и политической подоплекой. На этот факт как «крайне благоприятствующий усиленному и во многом ненормальному обострению интереса к половым вопросам» указал Членов в своем «Историческом очерке»⁸. Правда, он уклонился от объяснения этого феномена. В отечественной историографии данная проблема и до сих пор не являлась предметом специального изучения, в отличие от

западных исследователей. Л. Энгельштейн аргументированно полагает, что сексуальная революция, пережитая российской молодой интеллигенцией, после 1905 г., стала в известной степени своеобразным психофизиологическим компенсатором морального ущерба от несбывшихся социально-политических «вожделений», связываемых с Первой русской революцией. Студенты, участвовавшие в «освободительном движении», пишет она, «стали искать пути удовлетворения своих личных желаний»: «Жажда эротики..., которая временно отошла на второй план во время революции, вышла теперь на авансцену общественной жизни, не встречая препятствий на своем пути»⁹.

Участившиеся в этой ситуации факты психической, психологической, физической травматичности половой жизни студенчества будоражили общество, вызывая публицистические обличения проституции, дискуссии в медицинской литературе по социальной гигиене и на съездах врачей-венерологов. В 1902 г. под эгидой Соединенной комиссии Харьковского венерологического общества и Харьковского отдела Общества народного здоровья приват-доцентом Харьковского университета доктором В.В. Фавром было проведено анкетирование студентов местных высших учебных заведений (университета, Технологического и Ветеринарного институтов) по теме венерических заболеваний¹⁰. В 1904 г. Дерматологический отдел состоявшегося в Петербурге IX Пироговского съезда вынес по докладу Фавра специальное постановление об учреждении при Обществе русских врачей в память Н.И. Пирогова комиссии «для изучения вопроса о половой заболеваемости учащегося юношества и выработки мер борьбы с ними»¹¹.

Анкета Фавра стала значимым прецедентом, выведя проблему половой жизни учащейся молодежи из густой тени публичной табуированности на свет гласности и поучительного для студенческого сообщества коллективного самоанализа. В 1904 г. Обществом студентов-медиков Юрьевского университета была проведена самоперепись местных универсантов (1 тыс. человек) и студентов-ветеринаров (210 человек) по программе, охватывавшей вопросы «половой жизни» респондентов, степени распространенности среди них венерических заболеваний и алкоголизма¹². В начале 1905 г. прошла «половая перепись» студентов Московского университета (2 150 респондентов). Студенческое Пироговское медицинское общество под методологическим руководством Членова и при участии известного детского психоневролога Г.И. Россолимо подготовило и осуществило ее по беспрецедентно широкой программе. Если респонденты Харьковской переписи 1902 г. отвечали всего на 18 вопросов, то Московский переписной лист состоял из 207 пунктов. Разработанная его комиссия положила в основу переписи «не только вопросы одной собственно половой жизни, но и близко стоящие к ней и весьма важные условия нашей духовно-общественной жизни, как семья, школа, литература и искусство, влияние которых сказывается преимущественно в период развития личности». Столь обширная программа была развернута для того, чтобы «учесть или, по крайней мере, наметить все вышеупомянутые влияния и вместе с тем выяснить меру зла, господствующего в обществе в виде уклонений половой жизни и в виде венерических заболеваний»¹³. Материалы этой переписи были обнародованы в 1909 г. и стали эталоном подобного рода студенческих «самопереписей» и многоаспектных комплексных исследований¹⁴. Словом, «половой вопрос» отразился в формировании студенческой социологии.

В общей сложности половыми переписями 1902–1909 гг. в Харькове, Юрьеве, Москве и в Петербургском технологическом институте (в составе комплексного анкетирования) были охвачены без малого 9 тыс. респондентов. Ответы на анкетные вопросы составили солидный массив достаточно репрезентативных сведений, проливающих свет на самую этически деликатную, в основном тщательно оберегаемую от постороннего взгляда сферу жизни российского студенчества. Студенческая «самоперепись» сама по себе располагала к анонимной исповеди. Однако требовалась достойная степень гражданского самосознания и ответственности перед грядущими поколениями молодой интеллигенции, чтобы отважиться на откровения, буквально шокировавшие общественное мнение. По составу респондентов все упомянутые выше переписи

были мужскими. Как свидетельствовал известный гигиенист доктор Д.Н. Никольский, попытки произвести женские переписи по этой теме на Бестужевских и Московских (бывших В.И. Герье) курсах встретили резкое противодействие и запрет со стороны профессуры, «пришедшей в ужас» от анкетных вопросов. В Москве инициаторы переписи подверглись и административным репрессиям¹⁵. Руководитель комплексной переписи бестужевки в 1909 г. профессор А.А. Кауфман считал «пробелом» вынужденное отсутствие в ее программе «полового вопроса», не без намека подчеркнув, что «исключение этого рода вопросов не было случайностью»¹⁶.

Согласно переписям, 66% московских респондентов, 71% – юрьевских, 72% – петербургских и 88% – харьковских на момент анкетирования уже имели опыт половых отношений. При этом большинство ответивших на вопрос о начале естественной половой жизни указали, что произошло это еще в студенческие времена в возрасте 12–20 лет (в Московском университете таковых было 77.1%, харьковская перепись дала результат в 73%). По утверждению Фавра, ко времени завершения высшего образования таким опытом обладали, включая женатых, уже свыше 90% студентов.

Студенты делили молодых женщин на две категории. К первой они относили благословитанных барышень – потенциальных невест, будущих жен, матерей. С ними отношения, по крайней мере явно, не выходили за границы правил, предписанных общественной моралью. Ко второй категории причислялись «дамы», предназначенные судьбой для мужских свободных утех, без каких бы то ни было морально-этических обязательств, кроме денежных. Эта категория женщин и составляла круг добрачного, а бывало и внебрачного, студенческого «грехопадения». Первенствовали среди них, естественно, проститутки. Из 1 504 респондентов московской половой переписи 1905 г., ответивших на вопрос анкеты «Каким образом удовлетворяет свое половое чувство?», 706 человек (47%) указали на «жрицу любви». Следом за ними шли замужние женщины, конторщицы, продащицы, портнихи, белошвейки, прислуга, певицы и танцовщицы из кафе-шантана и проч.¹⁷ Среди последних было немало тех, которые принадлежали к миру латентной проституции. Можно утверждать, что студенты являлись постоянной клиентурой российских гетер. В зависимости от денежного достатка, они были посетителями «домов терпимости» разного стоимостного разбора (от 50-копеечных и ниже – до 5-рублевых и выше). В крупных городах, включая университетские, существовали целые кварталы «красных фонарей». В Москве, например, таковой раскинулся по переулкам между улицами Драчевкой (ныне Трубная) и Сретенкой. Вспомним купринскую «Яму»...

Гнездились проституция и «под крышей» всевозможных увеселительных учреждений – ресторанов с женской прислугой и специальными номерами, танцевальных салонов, «оперетки», кафе-шантанов в подпольных «домах свиданий», «летних садов» и прочих фривольных заведений, а также в гостиницах и «мемблиражах», в массажных кабинетах, модных мастерских, в конторах по найму прислуги и т.д. Но чаще всего студенты знавали «вольных» (уличных) проституток, работавших неофициально, без регистрации, не имея от полиции легализующего «желтого билета», а потому запрашивавших меньшую цену. Они промышляли вечерами на городских улицах, где совершала моцион «чистая публика». «Невский полон народу, главным образом девиц и студентов всех высших учебных заведений», – вспоминал петербургский универсанта рубежа веков¹⁸. И далее: «Девицы беспрестанно подходили и хватили нас за руки или сталкивались грудью, засматривали в лицо и делая предложения»¹⁹. Студенты нещедро, в виду своей бедности, но стабильно поддерживали их презираемую обществом коммерцию. Из ответов 931 респондента московской половой переписи 1905 г., отреагировавших на вопрос «Сколько тратит на удовлетворение половых сношений в месяц?», 507 (55%) признались, что их ежемесячный расход на такую потребу колеблется между 5 и менее и 10 и более рублями²⁰.

При этом из 1941 респондента московской переписи 1905 г., ответивших на вопрос «Как относится к проституции?», 1 273 (65.5%) заявили о ее «нежелательности»²¹. Данные составленной в 1912 г. в Петербурге «общестуденческой анкеты» на тему «Ду-

шевное настроение современной учащейся молодежи» позволили доктору Е.П. Радину, организовавшему анкетирование, заключить: «Жалость как преобладающее чувство в отношении к проституткам и презрение к мужчинам, пользующимся проституцией – таковы основные черты отношения молодежи к проституции»²². Сочувствовавшие «падшим женщинам» видели причину их трагедии в нищете крестьянства: проститутки в своем большинстве были деревенскими девушками, искавшими заработка в городе. «На женщин проституток смотрю как на жертв экономических условий современной нашей жизни или как на людей, глубоко оскорбленных, униженных, а потому отчаявшихся и бросившихся в этот омут, чтобы потопить себя в этом совсем... Мужчины-потребители совершают, по моему убеждению, ужасное святотатство, которому не нахожу оправдания», – написала курсистка-бестужевка в своем переписном листе²³. Вина за проституцию возлагалась ее обличителями и «на нравственную бедность интеллигенции». Они искренне хотели помогать рабыням порока встать на путь добропорядочности. Некоторые доброхоты состояли даже членами «обществ помощи падшим женщинам». «Борьба с проституцией чуть ли не является идеалом. Организую с этой целью кружок», – написал на опросном листе респондент переписи Радины²⁴. Предлагали противники проституции и меры отваживания от нее самих студентов: женитьба (25%), нравственное самоусовершенствование (22%), распространение медицинских знаний (18%), кружки самообразования (15%), совместное обучение мальчиков и девочек (12%), воздержание (7%)²⁵.

Были среди респондентов, ответивших на вопрос об отношении к проституции и те, кто считал ее «необходимостью» и даже «нормальным явлением». Таковые составили 34%. Вот наиболее примечательные из их мотивировочных маргиналий на опросных листах: один сомневался, «может ли человечество обойтись без проституции»; другой смотрел на проститутку как на «товар» и посещал дом терпимости в дни врачебных осмотров и после них не позже 8 вечера, т.е. с началом приема «гостей»; третий мечтал об открытии борделей «исключительно для студентов», где бы предварительно осматривались как женщины, так и посетители и т.д. и т.п.²⁶ Среди адептов проституции имелись и те, кто считал ее «только ничтожной крупичей всеобщей проституции и притом далеко не самой отвратительной»²⁷.

Главным последствием рано начинаемых и беспорядочно продолжаемых до женитьбы половых отношений становилось распространение среди студентов венерических болезней. По дружному мнению специалистов, их главным источником была проституция, представлявшая собой, по определению Членова, «своего рода венерический термостат, который непрерывно выбрасывает огромные массы страшных возбудителей венерических болезней в человечество»²⁸. Об уровне заболеваемости студентов также можно судить по данным «половых» переписей 1902–1909 гг. (см. табл.).

Обращает на себя внимание факт более чем двойного превышения показателей харьковской переписи 1902 г. по сравнению с аналогичными данными переписей 1904–1905 гг. «В Харькове перепись была проведена в 1902 г., т.е. в год относительного по-

Таблица

Переписи	Число болевших	Триппер	Шанкр	Сифилис
		%	%	%
Харьковская 1902 г. В.В. Фарба (1 298 респондентов)	764 (59%)	73.5	16.2	10.2
Юрьевская 1904 г. (1 210 респондентов)	335 (28%)	74	17.3	9
Московская 1905 г. М.А. Членова (2 150 респондентов)	543 (25.3%)	77.5	12	10.5
Петербургская технологическая 1909 г. (1 021 респондент)	258 (25.3%)	76.4	5.8	2.7

Составлено по: *Фавр В.В.* К вопросу о половых сношениях, о венерических болезнях и онанизме учащейся молодежи. Харьков, 1910. С. 6, 7, 9; *Святловский В.В.* Студенческие переписи в России. Краткий исторический очерк // Студенчество в цифрах. По данным переписи 1907 года в Юрьеве. СПб., 1909. С. 47; *Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение.* М., 1909. С. 70; *Студенческая анкета* // Студенческая жизнь. 1910. № 2. С. 11.

литического спокойствия в России, в Москве же (а также и в Юрьеве) – в 1904 г., т.е. в самое бурное время предреволюционного брожения, когда выступившие на первый план политические интересы в значительной степени отстранили половые излишества, а следовательно и ограничили почву для венерических заболеваний», – комментировал ее доктор Фавр²⁹. Видимо, он предполагал, что если бы юрьевская и московская переписи состоялись в 1902 г., то их результаты по части венерических заболеваний респондентов были бы существенно выше. Но этот гипотетический вывод не корреспондируется с данными переписи студентов Петербургского технологического института «спокойного» послереволюционного 1909 г.

Словом, трудно наверняка судить, в какой степени содержащиеся в анкетах социометрические данные отражали реальную картину подверженности студенчества венерическому инфицированию. Во всяком случае, Членов допускал некоторое несоответствие полученных анкетных результатов с действительным положением дел. Основанием для таких сомнений служил тот факт, что «очень много листов» анкеты с вопросами о венерических заболеваниях были оставлены респондентами «совершенно чистыми», либо «перечеркнутыми крест на крест», т.е. безответными: «не подчеркнуто даже слово “нет”». Такое «отчуждающееся отношение опрошенных к этому делу», считал Членов, заставляет предполагать, что «отмеченное число больных на самом деле, быть может, несколько ниже действительного»³⁰.

Но и полученные данные, скорее всего, не во всем совпадающие с «действительными», представляют возможность корректного исчисления процентно-долевого соотношения каждого из венерических недугов, которыми страдали респонденты анкетных опросов. Как видно из таблицы, самым распространенным венерическим заболеванием студентов являлся триппер, считавшийся, по их мнению, «детской болезнью», переболеть которой должен был «настоящий мужчина»³¹. Масштаб заражения шанкром и сифилисом был в несколько раз меньшим (видимо, потому что эти тяжелые заболевания более эффективно выявлялись врачами публичных домов).

Венерические заболевания среди студентов стабильно диагностировались врачами высших учебных заведений. Так, из врачебного отчета Петроградского университета за 1915 г. известно, что из 10 819 студенческих обращений по различным медицинским поводам 4 614 или 42,6% мотивировались подозрением на венерические заражения. В 272 случаях опасения пациентов подтвердились³². Сама же частота обращений за врачебной консультацией по данному поводу свидетельствует о том, сколь бесшабашным с гигиенической точки зрения было половое поведение студентов. «Молодежь... весьма часто прибегает к услугам проституции, не зирая на явную опасность заболевания и горький предшествовавший опыт свой и товарищей»³³, – констатировал Фавр в 1902 г. В последующие годы ситуация лишь усугубилась.

Отмечалось врачами и «легкомысленное» отношение студентов к своим болезням в целом, что выражалось в неаккуратном исполнении врачебных предписаний. «Особенно губительно, – указывал врач Петербургского университета в 1915 г., – отзывается подобный взгляд на течение перелоя (триппера. – А.И.) – болезни вообще капризной и требующей большого терпения и самого тщательного к себе отношения (2–2½ месяца и более лечения)»³⁴. В результате нередко были случаи неоднократного заражения студентов, становившихся разносчиками триппера³⁵. Серьезнее относились студенты к лечению мягкого шанкра и особенно сифилиса (болезни трудно излечимой и то, если крупно повезло). Заражение лысысом нередко воспринималось как безнадёжная катастрофа. Чувствования, которые овладевали попавшим в такую беду студентом, могли быть сродни тем, что пережил один из героев романа А.И. Куприна «Яма», писавший в записке, составленной прежде, чем застрелиться: «Я полагал весь смысл жизни в торжестве ума, красоты и добра; с этой же болезнью я не человек, а рухлядь, гниль, падаль, кандидат в прогрессивные паралитики»³⁶.

Венерические заболевания были «бичом» не только российского студенчества. Не миновала эта напасть и студентов европейских стран. Скудные сведения на этот счет все же представляют некоторую возможность сопоставить данные по названному

показателю «половых» переписей московских универсантов 1905 г. и студентов университета германского Бреславля начала XX в. Московская выявила 25.3% (543 человека из 2 150 респондентов) инфицированных: перелоем – 19.6% (421 человек), шанкром – 3% (65 человек), сифилисом – 2.6% (57 человек)³⁷, бреславская же обнаружила всего 10% инфицированных (216 человек из 2 140 респондентов): перелоем – 6.8% (147 человек), шанкром – 1.2% (26 человек), сифилисом – 2% (43 человека). Так что Членов был не совсем объективен, утверждая, что российские данные лишь «отчасти превосходят» данные бреславской переписи³⁸. Правда, доктор Д.П. Никольский в лекции, прочитанной в марте 1910 г. студентам Петербургского технологического института, сообщил, что в 1899 г. в Бреславле перелоем были больны 86.7% студентов, а в Берлине венерическими болезнями ежегодно заражается 25% местного студенчества³⁹. Не преминули Членов и Никольский подчеркнуть и факт высокого уровня зараженности льюисом студентов Парижа (8.2–15%). Доктор Никольский утверждал, что по части венерических заболеваний «западное студенчество не только не отстает от русского, но даже опередило нас»⁴⁰. Ему явно возражал автор «Вех» А.С. Изгоев. В качестве назидательного для российского студенчества примера он ссылаясь на образ жизни английского студента, который «прежде всего здоров», в частности, потому, что «в огромном большинстве не знает публичных домов» в то время, как «попойки русских передовых студентов» нередко кончаются «ночной визитацией» к проституткам⁴¹.

Среди респондентов каждой из «половых» переписей была группа студентов, сознательно избегавших добрых плотских отношений. Доктор Никольский считал их примером для подражания всей учащейся молодежи, которую он призывал к «половому аскетизму» ради сохранения физического и душевного здоровья, серьезно, по его мнению, пошатнувшегося⁴². По переписи 1902 г. Фавра, соблюдавшие целомудрие студенты-харьковчане составили 12% респондентов (156 человек из 1 298)⁴³; юрьевская перепись 1904 г. зафиксировала 29.3% таковых (355 человек из 1 210)⁴⁴, московская 1905 г. – 34.4% (740 человек из 2 150)⁴⁵, петербургская 1909 г. – 28% (284 человек из 1 021)⁴⁶. Этот статистический ряд подталкивает к заключению о положительной динамике численности респондентов данной категории. Что касается мотивации их позиции в «половом вопросе», то она определялась различными обстоятельствами: боязнью венерических заболеваний, психофизиологическими причинами, отсутствием средств, семейными условиями. Иные ответы имели глубокую нравственную основу («считаю преступной связь с женщиной до вступления в брак»; «если я требую от девушки, чтобы она была невинной при вступлении в брак, то и сам обязан сохранять невинность»; «не признаю продажной любви»; «только с любимой и любящей женщиной» и т.д.)⁴⁷. «Я имел всегда в качестве преданных друзей девиц. Могу сказать, что только благодаря влиянию их нежных душ, я никогда не позволял себе увлечься каким-либо грязным делом, не развратничал, не знал никогда продажной любви. За это им великое спасибо. Им я открывал свою душу, от них я получал бодрость и силу»⁴⁸, – написал в анкетном листе женатый респондент переписи, проведенной в 1912 г. доктором Радиным среди петербургского студенчества.

Важнейшей компонентой «полового вопроса» было отношение студентов к браку, отразившееся в статистике «самопереписей». Из нее явствует, что в среднем 90% их респондентов были холосты. Наиболее развернутое объяснение причин такого повального студенческого безбрачия находим в материалах московской переписи 1905 г. 1 619 ее участников (75.3%) дали следующие ответы на вопрос «Если не женат, то почему?»: 606 человек (32.4%) выдвинули экономические соображения; 647 человек (40%) сослались на то, что «не представилось случая»; 223 человека (14%) руководствовались нравственными мотивами; 37 человек (2.2%) считали себя слишком молодыми для такого судьбоносного шага. Вместе с тем, из 1 715 человек (80% респондентов), ответивших на вопрос «Считает все-таки женитьбу для себя необходимой или нет?», 1 105 человек (64%) выразили намерение обзавестись семьей в обозримом будущем, а 610 человек (36%) ответили отрицательно, скорей всего, не будучи готовыми к положительному ответу⁴⁹.

То, что отношение к браку респондентов-мужчин не всегда было положительным, обнаружила в 1912 г. и перепись Радина о душевном настроении учащихся высшей школы. «Упрек, который посылает браку молодежь, – отмечал ученый, – заключается в том, что он делает личность узкой, ограничивая ее кругозор сферой домашних интересов»⁵⁰. Но не исключена и мотивация некоего «благоразумного» студента, героя книги П. Иванова: «Студент не должен жениться, не должен быть связан никакими узами. Студенческие годы – это своего рода перегорание на собственном огне, выработка мировоззрения – и никто не должен мешаться в этом священном деле»⁵¹. Такая точка зрения не была исключительной, а являлась достаточно распространенной. А. Бенуа писал о предстоящей женитьбе: «Наша свадьба была назначена тотчас по окончании университета, студентом же я ни за что не желал вступать в ряды “семейных людей”». Как мне, так и Ате это казалось чем-то смешным и даже уродливым»⁵².

Женатые студенты и замужние курсистки составляли особый субкультурный феномен. Это была малочисленная категория учащихся высшей школы⁵³, о чем свидетельствуют и данные студенческих самопереписей. В 1901 г. в университете и Технологическом институте Томска их было примерно 3% (35 человек на 1 210 респондентов)⁵⁴, в 1904 г. в Петербургском университете – 4.4% (53 из 1 197)⁵⁵, а в университете и ветеринарном институте Юрьева – 4.7% (57 из 1 210)⁵⁶, в 1905 г. в Московском университете – 7% (148 из 2 150)⁵⁷, в 1907 г. в Юрьевском университете – 10% (86 из 866)⁵⁸, в 1909 г. в Петербургском технологическом институте – 13% (130 из 1 021)⁵⁹. В 1904 г. среди студентов Горного и Технологического институтов Петербурга они составляли соответственно 16 и 11.2%⁶⁰. На Бестужевских курсах согласно «самопереписи», проведенной под руководством профессора И.И. Кауфмана в 1909 г., замужних слушательниц насчитывалось 9.5% (157 из 1 698), в том числе 0.5% вдов⁶¹. Как видим, семейных студентов становилось больше.

При этом семейные студенты и курсистки состояли не только в официальном церковном, но и в так называемом «гражданском» браке. Например, переписи студентов петербургских Горного и Технологического институтов (в каждом своя), университета и Ветеринарного института в Юрьеве (общая) выявили в 1904 г. соответственно 25%, 12% и 20% семейных студентов, состоявших в «гражданском» браке⁶². Среди 70 женатых респондентов «политической» переписи 1907 г. в Юрьевском университете (866 участников) таковых обнаружилось 2% (17 человек)⁶³. Похожая ситуация была и среди 157 замужних бестужевок – участниц переписи 1909 г.: 31% (49 человек) из них проживали в свободном брачном союзе⁶⁴. Можно предположить, что брак «гражданский» был не только, а порой и не столько, решением сугубо принципиальным, но нередко и уловкой, освобождавшей студента от необходимости добиваться от учебной администрации разрешения на вступление в брак официальный, выправлять свидетельство о своей материальной состоятельности (вместе с согласием на женитьбу родителей и т.д.).

Среди студентов были и те, кто находился в разводе. Студенты и курсистки рубежа веков ощущали себя куда более свободными, чем их отцы и матери, в отношении нерушимости семейных уз. Их браки заключались на земле, а не на небесах. Капитализм не только нес российскому городу плоды торгово-промышленного прогресса, но и зримо менял регламентируемые конфессиональными нормами и патриархальными традициями брачные отношения.

На ком женились студенты, за кого выходили замуж курсистки? Если говорить о студентах, то ответ на поставленный вопрос может быть скорее предположительным, нежели точным. Судя по отдельным упоминаниям, преимущественно на девушках из интеллигентных семейств. Согласно данным переписей 1904 и 1910 гг. жены $\frac{2}{3}$ семейных студентов Горного и Технологического институтов Петербурга имели среднее гимназическое или того же уровня домашнее образование. Некоторые из них поступали на высшие женские курсы. Жены студентов Технологического института с начальным образованием составляли в 1904 г. только 4.2%, а по переписи 1909 г. – уже 18.1%⁶⁵. Это перекликается с данными о мужьях 157 респонденток, участвовавших в 1909 г. в переписи слушательниц Бестужевских курсов: 52.1% из них состояли в браке

со студентами, 22% – с лицами интеллигентных профессий, у 11% мужья находились на государственной службе, остальные 15% указали самые разнообразные профессии и занятия своих мужей⁶⁶.

Что же побуждало студентов к заключению раннего брака, часто без оглядки на собственную материальную необеспеченность? «Бегство от одиночества, бытовой неприютности», – уверял бытописатель московского студенчества П. Иванов. По его наблюдению, брак часто – «результат случайной встречи, быстро проходящего романтизма»⁶⁷. К этому предрасполагала молодость будущих супругов. И судьба романтически мотивированных браков нередко складывалась вполне благополучно. Как, например, у одного из респондентов переписи доктора Радина (1912 г.), написавшего в анкетном листе: «В настоящее время я женат, вот уже 2 года, и имею в лице своей жены лучшего друга, когда-либо у меня бывшего. Теперь я в особенности бодр духом, ибо люблю и любим»⁶⁸. Однако для многих нетерпеливых романтиков брак вскоре оборачивался суровыми буднями жизни «на грани подвига из-за нужды и бытовых неудобств»⁶⁹. И эти обстоятельства не способствовали укреплению семейных уз. П. Иванов безапелляционно заключал, что студенческий брак «прочен лишь, когда молодых соединяет романтическое чувство, не омраченное материальной нуждой»⁷⁰.

И все же нематериальные мотивы студенческих браков, похоже, если не доминировали, то были весьма весомы. Так, в 1905 г. из 169 участников переписи студентов московского университета, ответивших на вопрос анкеты «Что способствовало женитьбе?», 100 человек (59%) обосновали ее «идейными соображениями». Смысл данного мотива позволяет понять раздел «Идейный брак» в книге того же П. Иванова. Такой брак, утверждал автор, чаще всего освещался «жаждой живого дела», например, желанием развить «умственные горизонты» приглянувшейся студенту барышни «купеческого звания» или из «полумещанской, получиновничьей среды». В конечном счете, «лекции» студента могли окончиться женитьбой, а там вдруг выяснялось, что воспитуемый «материал слишком тяжеловесен и неподатлив», а всякие высокие идеалы меркнут перед «практически мещанскими» заинтересованностями «избранницы»⁷¹. К категории «идейных» Иванов относил и известные ему случаи женитьбы студентов по минутной вспышке «геройского духа» на обойденной жизнью «старой (около 30 лет. – А.И.) и некрасивой» курсистке из благородной «невозможности» отказаться от уже данного слова или брак «идейно-платонический в толстовском духе», при котором «супруги» намеревались проживать на правах «товарищей». По свидетельству Иванова, такой союз либо становился по-настоящему супружеским, либо быстро распадался⁷².

К «идейным» можно отнести и «фиктивные» браки, заключавшиеся девушками ради того, чтобы освободиться от опеки родителей и получить возможность учиться на высших женских курсах. Один из таких случаев, относящийся к 1895–1899 гг., описан в дневнике слушательницы Бестужевских курсов Е. Дьяконовой. Некто «В», желая помочь ее сестре стать курсисткой, заверил мать последней, что женится на ее дочери через год, если та будет немедленно отпущена на учебу, но в ответ получил резкую отповедь: «Она моя дочь, и должна жить со мной... Свадьба должна быть без всяких условий, тогда муж будет ее попечителем и я не должна буду касаться дочери». Через год свадьба все же состоялась⁷³. Приведенные типологические примеры «идейных браков» безусловно имели аномальный характер и потому были непрочны. Однако подобные браки, словно поветрие, распространялись среди интеллигентной молодежи.

По данным переписи московских университетов 1905 г., среди ее 169 семейных респондентов 35 человек (21%) заявили, что их брак стал возможен благодаря материальной обеспеченности – либо собственной, либо жены⁷⁴. Брак по расчету, видимо, был не так уж и экстраординарен в студенческом сообществе. По словам П. Иванова, такой брак нередко оправдывался следующим образом: «Я женился ради науки»⁷⁵. Так, в октябре 1897 г. один студент Московского инженерного училища обратился к директору с прошением разрешить ему женитьбу по причине отсутствия средств на продолжение учебы. «Есть человек, – писал он, – который издавна сочувственно относится к мое-

му стремлению, давно знает меня и глубоко предан мне... Семья этой девушки имеет достаточные средства»⁷⁶. П. Иванов видел опасность таких прагматических браков в возможности «привития “буржуазных наклонностей”» и указывал на пример студента, получившего в приданое 2 тыс. руб. годового дохода. Его жена сделала «классическое признание»: «Мой муж не пошел на сходку потому, что я не сочувствую студенческому движению. Мужа вдруг возьмут, и я одна останусь в доме»⁷⁷.

Наиболее благополучными в материально-бытовом отношении были студенческие семьи, находившиеся под патронажем родителей или имевшие собственные средства, унаследованные или благоприобретенные. Трудно сказать, сколько именно их было. По официальным данным 1898 г. из 53 семейных студентов Казанского университета только 20 (38%) были обеспечены⁷⁸. Среди 130 женатых петербургских «технологов», охваченных переписью 1909 г., безбедно, на средства родителей и благоприобретенные, проживали 48 человек (37%)⁷⁹. Большинство же студенческих браков в силу материальной необеспеченности постоянно подвергалось испытаниям на прочность⁸⁰. Типичной была бытовая семейная ситуация, описанная Ивановым: «Небольшая полутемная комната... тяжелая атмосфера, беспорядок, неуют. Полуодетые дети на “сорном полу”, жена в полном неглиже с керосинкой, супруг в углу с книгой. Обед из бесплатной комитетской столовой – два на всю семью, непонимание товарищей и прочая череда жизненных неудобств и тягот»⁸¹. Но даже в этих, казалось бы, беспросветных условиях нищеты, молодой брак брал свое: «У жены одно платье – черное, которое на ней, да еще плед. Она вяжет кружева... 3 руб. в месяц для них – богатство. Обедают то у одних знакомых, то у других, а чаще голодают. Ему еще год учиться... И, представьте себе, довольны. У обоих веселый вид. Надеются»⁸².

Приметой студенческих браков, и без того редких, являлась бездетность. Из 35 семейных респондентов переписи томских универсантов и «технологов», проведенной в 1901 г., дети были только у 18 (51.4%)⁸³. В 1905 г. из 158 женатых (включая вдовцов) респондентов переписи московских универсантов имели детей 56 человек (35.4%)⁸⁴. Бездетными были 60% семейных петербургских «технологов» (78 из 130, участвовавших в переписи 1909 г.)⁸⁵. Большинство тех, кто имел детей, испытывали куда большие бытовые тяготы, чем бездетные. «Я имею жену и пятилетнего ребенка, служу в контрольной палате на 30 руб. в месяц... – писал в 1910 г. профессору А.Ф. Фортунатову студент Московского коммерческого института. – Один студент на 30 руб. жить может, но семейному это никак невозможно... Благодаря такому скудному содержанию, я не только лишился возможности продолжать свое образование, но чуть ли не обречен на голод»⁸⁶.

Такие жизненные ситуации были настолько типичны, что, по убеждению Членова, имели следствием «довольно сильное развитие среди них (студентов. – А.И.) неомальтузионистических идей (меры против деторождения), причем это явление обуславливается в значительной степени, как и в зрелом обществе, чисто экономическими моментами»⁸⁷. И все-таки не только. Были на то и побуждения глубоко идейного смысла. «Никто из нас (курсисток. – А.И.) даже не заикался о “прелестях любви”, о личном счастье, – писала в 1897 г. в дневнике слушательница Бестужевских курсов Е.Дьяконова. – Скорее мы готовы были отнестись с сожалением к злоупотреблению чувственностью и вытекающими отсюда “перепроизводством” детей, несчастных существ, которые вступают в жизнь неподготовленными к жестокой борьбе за существование, гибнут и ломают себя, произведя в свою очередь таких же существ»⁸⁸. По признанию автора дневника, эта запись была сделана под впечатлением только что прочитанной «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого. Такое «синечулочное» отношение к браку и семье было присуще, конечно, далеко не всем курсисткам. Из 149 женщин, участвовавших в переписи Радина о душевном состоянии учащейся молодежи и ответивших на вопрос об отношении к семье, 107 (72%) рассчитывали на замужество. Одна из них написала на опросном листе: «Главное назначение женщины быть матерью и воспитательницей, главное ее место – семья... Сферу семейных интересов я не считаю узкой, особенно воспитание детей – это высокая цель. Я чувствую, что могу отдаться вполне, жить для

мужа и детей, и если так сложится моя жизнь, я буду удовлетворена, буду счастлива... Не верю, что могу с пользой работать на общественной арене, потому что у меня нет к этому призвания; всякое дело требует любви к нему и жертв. Женщины, желающие непосредственно служить обществу, не должны иметь семьи; иначе ни здесь, ни там цель не будет достигнута»⁸⁹. Правда, не все курсистки соглашались быть затворницами семейной жизни. Большинство желало бы совместить семейное счастье со служением обществу. «У курсисток резко выступает преобладание положительной оценки будущей практической деятельности с общественной точки зрения», – констатировал доктор Радин на основании своей переписи⁹⁰. Такие умонастроения – яркая примета не только культурного контекста бытования студенчества, но и общественной жизни Российской империи рубежа веков, чреватого формированием гражданского общества.

Примечания

¹ Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909. С. 7.

² *Энгельштейн Л.* Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996. С. 221.

³ *Вересаев В.В.* Воспоминания. М., 1982. С. 369.

⁴ Половая перепись Московского студенчества... С. 8. Врач, специалист по возрастной гигиене, писал в связи с этим: «Последние годы с их особой эротической литературой, описывающей и прославляющей не только нормальные, но и всевозможные извращенные отношения, с их циничными и порнографическими картинками и открытками, короче сказать, с их половой нормальной и патологической вакханалией, едва ли прошли бесследно для всех. Даже нежелающие невольно наталкиваются всюду и в печати, и в магазинах на те или другие проявления этой вакханалии» (*Жбанков Д.* Изучение вопроса половой жизни учащихся // Практический врач. 1908. № 28. С. 486).

⁵ *Радин Е.П.* Проблема пола в современной литературе и больные нервы. СПб., 1910. С. 5.

⁶ Там же. С. 14. Кн. Е.Н. Трубецкой писал о «Санине»: «Для него любовь исчерпывается минутой. Это – акт столько же проходящий, как опыление цветка. Предметом любви служит не сам человек, а его тело – крутые бедра, полная грудь, высокие плечи, крепкие мускулы, вот что наполняет арцыбашевские описания любовных встреч. По понятиям автора ошибается тот, кто воображает, что он любит в своей возлюбленной что-нибудь другое» (*Трубецкой Е.Н.* Конец революции в современном романе // Московский еженедельник. 1906. № 7. С. 7).

⁷ *Радин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи, по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. Психологическая и социологическая самооценка. Разочарованность. СПб., 1913. С. 60.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ *Энгельштейн Л.* Указ. соч. С. 222; *ее же.* «Половой вопрос» и политический кризис профессиональной интеллигенции после революции 1905 г. // Реформы или революция? Россия. 1861–1917. СПб., 1992. С. 172–182.

¹⁰ *Фавр В.В.* К вопросу о половых сношениях, о венерических болезнях и онанизме учащейся молодежи. Результаты Харьковской анкеты среди студентов // Русский журнал кожных и венерических болезней. Харьков, 1910. Т. XIX. № 4.

¹¹ *Членов М.А.* Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909. С. 11.

¹² Ее результаты были опубликованы в 1907 г.: *Малыгин Н.П.* Из итогов студенческой переписи в Юрьеве (Дерпте) // Журнал общества русских врачей в память Н.И. Пирогова за 1907 год. СПб., 1907. № 1; *его же.* Половая жизнь Юрьевского студенчества 1904 г. // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. СПб., 1907. Май. С. 1163.

¹³ *Членов М.А.* Указ. соч. С. 9–10.

¹⁴ Половая перепись студенчества Томска, упоминаемая в журнале «Студенческий мир». М., 1910. № 7. С. 4; Первая перепись студентов Московского сельскохозяйственного института 1904 г. (ЦИАМ, ф. 642, оп. 1, д. 434); К характеристике современного студенчества (по данным переписи 1909–10 г. в С.-Петербургском технологическом институте). СПб., 1911.

¹⁵ *Ляховецкий А.Л.* Больные стороны студенческой жизни // Студенческая жизнь. 1910. № 12. С. 13. На Московских высших женских курсах программа половой переписи была составлена специальной комиссией из женских врачей, мужчин-преподавателей высших учебных заве-

дений, учительниц женских средних учебных заведений, писателей В.В. Вересаева (Смидович) и А.А. Вербицкой (Практический врач. СПб., 1908. № 28. С. 472–473; № 29. С. 503–507).

¹⁶ Кауфман А. Русская курсистка в цифрах. По данным переписи, произведенной на С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсах 15 ноября 1909 г. // Русская мысль. М., 1912. Кн. VI. С. 63–93.

¹⁷ Половая перепись московского студенчества... С. 56.

¹⁸ Гегидзе Б. В университете. Наброски студенческой жизни. СПб., [1905]. С. 81.

¹⁹ Там же. С. 88.

²⁰ Половая перепись московского студенчества... С. 57.

²¹ Там же.

²² Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи... С. 91.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 92. То, как эта помощь осуществлялась и каковы были ее результаты, описано в рассказе А.П.Чехова «Припадок» (Чехов А.П. Сочинения. Т. VII. М., 1985. С. 212–216). Удостоверяя реальность фактической канвы своего рассказа, Чехов 13 ноября 1888 г. подчеркнул в письме к Плещееву: «Что касается девок, то по этой части я во времена оны был большим специалистом» (Там же. С. 661).

²⁵ Половая перепись московского студенчества... С. 57.

²⁶ Там же.

²⁷ Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи... С. 70.

²⁸ Половая перепись московского студенчества... С. 73–74.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 72.

³¹ Иванов П. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (Очерки). М., 1908. С. 103.

³² Отчет о состоянии и деятельности имп[ераторского] Петроградского университета за 1915 г. СПб., 1916. С. 299.

³³ Фавр В.В. Указ. соч. С. 7.

³⁴ Отчет о состоянии и деятельности имп[ераторского] Петроградского университета... С. 301.

³⁵ Фавр В.В. Указ. соч. С. 6.

³⁶ Курпин А.И. Яма. М., 2002. С. 274.

³⁷ Половая перепись московского студенчества... С. 70.

³⁸ Там же. С. 71.

³⁹ Студенческая жизнь. 1910. № 13. С. 12.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Вехи». Интеллигенция в России. 1909–1910. М., 1991. С. 194–195.

⁴² Студенческая жизнь. 1910. № 13. С. 12.

⁴³ Фавр В.В. Указ. соч. С. 5.

⁴⁴ Святловский В.В. Студенческие переписи в России // Студенчество в цифрах. По данным переписи 1907 года в Юрьеве. СПб., 1909. С. 46.

⁴⁵ Половая перепись московского студенчества... С. 53.

⁴⁶ Студенческая жизнь. 1910. № 12. С. 11.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи... С. 71.

⁴⁹ Половая перепись московского студенчества... С. 55.

⁵⁰ Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи... С. 92.

⁵¹ Иванов П. Указ. соч. С. 102.

⁵² Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1990. С. 637.

⁵³ Нормой для всех государственных высших учебных заведений разных ведомств был запрет на прием в число их студентов семейных лиц. Студентам запрещалось жениться. Однако, нередкие студенческие прошения о разрешении вступить в законный брак «обыкновенно удовлетворялись» в виде исключения, особенно часто к исходу XIX в. В конечном счете, Министерство народного просвещения 18 мая 1898 г. издало специальный циркуляр, узаконивший данного рода исключения. Женитьба студентов отныне разрешалась, но только с санкции попечителей учебных округов по предварительному согласованию этого вопроса с администрацией учебных заведений. Министерским циркуляром 23 мая 1906 г. эта функция была полностью передована последней. Она же отныне разрешала и вопрос о зачислении в студенты женатых субъектов (См.: Лаурсон А.М. Справочная книга для учебных заведений и учреждений Министерства народного просвещения. Изд. 2. Пг., 1916. С. 801). Аналогичные послабления делались студен-

там и женатым абитуриентам высших учебных заведений других ведомств (См. подробно: *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 260–263).

⁵⁴ Экономическое положение томских студентов. Томск, 1902. С. 45.

⁵⁵ *Святловский В.В.* Указ. соч. С. 41.

⁵⁶ Там же. С. 120.

⁵⁷ Половая перепись московского студенчества... С. 54.

⁵⁸ Студенчество в цифрах... С. 119.

⁵⁹ К характеристике современного студенчества. По данным студенческой переписи в Санкт-Петербургском технологическом институте. Изд. 2. СПб., 1901. С. 14. В разделе «Женатые студенты» ошибочно указано 19%.

⁶⁰ Студенческая жизнь. 1910. № 12. С. 12–13.

⁶¹ Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи (анкеты), выполненной статистическим семинарием в ноябре 1909 г. СПб., 1912. С. 14.

⁶² Студенческая жизнь. 1910. № 12. С. 13.

⁶³ Студенчество в цифрах... С. 119.

⁶⁴ Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов... С. 14.

⁶⁵ Студенческая жизнь. 1910. № 12. С. 13.

⁶⁶ Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов... С. 14.

⁶⁷ *Иванов П.* Указ. соч. С. 95.

⁶⁸ *Радин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи... С. 71.

⁶⁹ *Иванов П.* Указ. соч. С. 101.

⁷⁰ Там же. С. 94.

⁷¹ Там же. С. 99.

⁷² Там же. С. 100.

⁷³ Дневник Елизаветы Дьяконовой (1886–1895 г.). СПб., 1905. С. 169.

⁷⁴ Половая перепись московского студенчества... С. 54–55.

⁷⁵ *Иванов П.* Указ. соч. С. 98.

⁷⁶ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ), ф. 977, оп. 1, д. 134, л. 3 об.

⁷⁷ *Иванов П.* Указ. соч. С. 98.

⁷⁸ НА РТ, ф. 977, оп. 1, д. 134, л. 3 об.

⁷⁹ К характеристике современного студенчества (по данным переписи 1910–10 г. в С.-Петербургском технологическом институте). СПб., 1911. С. 66.

⁸⁰ См., в частности: *Курбский В.* Очерки студенческой жизни (Из дневника бывшего студента). М., 1912. С. 80–81.

⁸¹ *Иванов П.* Указ. соч. С. 95–96.

⁸² Там же. С. 101–102.

⁸³ Экономическое положение томских студентов... С. 45.

⁸⁴ Половая перепись московского студенчества... С. 54, 55.

⁸⁵ К характеристике современного студенчества... С. 67.

⁸⁶ ЦИАМ, ф. 642, оп. 2, д. 288, л. 69 об. «У меня родился сын, – сообщала Фортунатову студентка Голицынских сельскохозяйственных курсов в Москве. – Но он своим появлением не только внес известное усложнение, но поставил меня в такое положение, что выхода и просвета я не вижу». У корреспондентки к тому же тяжело болел муж (Там же, д. 335, л. 8 об.).

⁸⁷ Половая перепись московского студенчества... С. 92.

⁸⁸ Дневник Елизаветы Дьяконовой. На высших женских курсах (1895–1899). СПб., 1905. С. 128.

⁸⁹ *Радин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи... С. 72.

⁹⁰ Там же. С. 63.